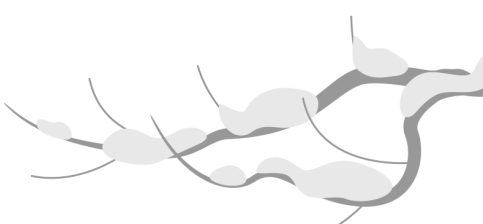

Содержание

Ведьмино лето	7
Заразное беспокойство	105
Спасибо тебе, осень!	154
Память прошлых дней	204
Птицы новой весны	254
Я всё про тебя знаю!	305

***

Тайке повезло в жизни. Такая юная — только-только школу закончила, — а уже ведьма! Да не абы какая, а ведьма-хранительница Дивнозёрья — деревни, где наш обычный мир сошёлся с Волшебной страной. Это же так здорово — не просто верить в волшебство, а точно знать, что оно существует. С самого детства общаться с домовыми и мавками, лешим и водяным, а ещё дружить с коловерщей — удивительным зверьком, похожим на помесь кота с совой.

Так думали те немногие, кому Тайка осмеливалась рассказать о своих приключениях.

Не то чтобы ей не хотелось поделиться. Просто она знала, что её поднимут на смех. В лучшем случае назовут выдумщицей и врушкой, в худшем — сочтут чокнутой, потому что многие люди разучились верить в волшебство.

Впрочем, нет худа без добра. Чем меньше знают о заповедном крае, тем в большей сохранности он будет. А то вон ещё в бабушкины времена кто-то написал в газету о дивнозёрских чудесах — так потом еле отвадили нудных репортёров и доморощенных любителей чертовщинки.

Кто-то подумает, что жизнь ведьмы — это сплошные радости и приключения. И в чём-то будет прав: Тайка ни за что не променяла бы свою судьбу на обычную жизнь. Но это не значит, что ей всё дается легко. Быть хранительницей волшебства — это ведь большая ответственность. Кто ещё спасёт простых жителей деревни от зловредной нечисти, поможет совладать с упырем из погребца, с кикиморой-раздоркой или с заезжим оборотнем? И при этом нельзя забывать про домашние дела и учёбу. Хорошие оценки себе так просто не накопишь, даже если ты ведьма.

Тайка сначала очень расстроилась, когда с первого раза не поступила в институт, но, к счастью, её верные друзья были рядом. И мудрый коловерша Пушок сказал так:

— Не переживай, Тая. Неудачи и огорчения у всех случаются. Главное — не сдаваться! Лучше подумай, как обратить дело в свою пользу. Это ж у тебя теперь целое беззаботное лето впереди. А значит, нас ждёт ещё больше приключений!

Ведьмино лето

— Ох, Таюшка-хозяйюшка, слыхала?! Тут такое приключилось! Харитошку помнишь? Энто бабы Лиды домовой. В общем, сбрендил он!

Никифор выглядел таким взволнованным, что Тайка даже испугалась, как бы его удар не хватил.

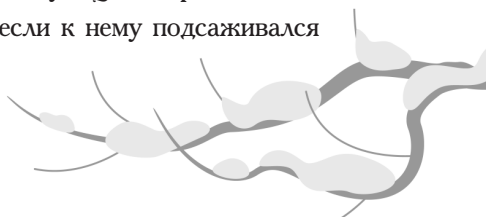
— В каком смысле сбрендил?

— В самом что ни на есть прямом. Грит, не хочу больше быть домовым. Вы, мол, за свои дома цепляйтесь, а энто предрассудки. Кругозор расширять надобно.

— Ничего себе! — ахнула Тайка.

Все домовые, с которыми она была знакома, жили по принципу «Мой дом — моя крепость». Того же Никифора, бывало, на улице калачом не выманишь. Сидит на печке, и хорошо ему, тепло. Да что там Никифор! Даже непутёвый Сенька-алкаш за своё хозяйство радел, как умел. А тут на тебе!

Признаться, она едва помнила этого Харитошку. На посиделки, которые Марьянка-выгтянка устраивала в заброшенном доме, он хоть и приходил, но обычно сидел в сторонке. Не пел, не плясал, даже угощение брал с оглядкой, будто всего стеснялся. А если к нему подсаживался

кто-нибудь из кикимор или домових — краснел как помидор. В общем, как сказал бы Пушкин, домовый-интроверт.

Стоило вспомнить коловерцу, как он тут же появился. Вылез из-под стола, словно чёртик из табакерки, и заявил:

— А может, у него кризис среднего возраста? Я в интернете читал. Это когда вдруг задумываешься: а чего же я достиг в свои годы? Понимаешь: ни-че-го. И ка-ак нахлынет грусть-кручина!

— Кручина без причины — признак дурачины, — проворчал Никифор. — Пушкин, ты Харитонку помнишь? Ну какие там годы? Он же молодой совсем. Даже борода ещё не выросла — токмо бакенбарды.

— Значит, подростковый кризис! — не сдавался коловерца. — Все талдычат: ты должен быть домовым, потому что папка и мамка твои были домовыми. Семейная династия, все дела. А он, может, космонавтом быть мечтает? Или мороженое продавать?

— Действительно, а кто-нибудь спрашивал, чего он сам хочет? — Тайка почесала Пушкина за ушком, и тот немедленно зауричал, как трактор.

— На вот, полюбуйся. — Никифор достал из-за пазухи кусочек бересты. — Энтю Харитонка оставил, прежде чем удрать.

Тайка вчиталась в угловатые каракули:

«УХАЖУ ИСКАТЬ ШАСТЬЯ!
 ДОМ ОТДАЙТЕ КАМУ ХАТИТЕ.
 КАК УСТРОЮСЬ Ъ ГОРОДЕ ПРИШЛЮ ЗАМ
 ПИСМО И ТАСТИНЦЕЪ.
 ХАРИТОН»

— Хм, значит, в город подался... — Тайка вернула записку Никифору. — Знаешь, а вообще там много возможностей. Можно, например, подъездным стать. Или автобусным.

Никифор неодобрительно покачал седой головой:

— Бери выше! Харитошка в музейные решил податься.

— Экспонаты? — не удержался Пушок. — А что, отличная карьера! Стоишь красивый, на тебя все смотрят, восхищаются... Хотя я бы на его месте лучше в домкультурные подался. Тогда на концерты можно хоть каждый день ходить!

— Тебе бы только куролесить! — с досадой отмахнулся Никифор. — Таюшка-хозяйюшка, дай совет, шо делать-то?

Тайка пожала плечами:

— Ждать. А что ещё остаётся? Он же сказал, что напишет. Харитон — взрослый домовой, это его жизнь.

— А с домом? Как думаешь, ничего, если мы к бабе Лиде Анфиску поселим? А то она так намаялась, погорелица.

— Разве вы такие вопросы не на домовишниках решаете?

— Обычно да, но... В общем, у нас голоса разделились поровну. Одни говорят, что Харитошка одумается и вернётся, надо бы место придержать. А то где он потом дом по сердцу найдёт? Другие бушуют, мол, шиш ему. Кто, грят, хозяйство бросил, тот отступник и негодяй. Мой голос, получается, решающий. А я, ты ж знаешь, за Анфиской ухаживаю. Сталбыть, лицо пристрастное.

О-хо-хо, за что мне это всё?! — Никифор принялся обмахиваться салфеткой.

— Водички попей, успокойся. — Пушок придвинул ему стакан. — Не то тоже сбрендишь, а мы к тебе уже привыкли.

— Типун тебе на язык! — возмутился Никифор, но воды всё-таки выпил.

— А вы у Анфисы спросили? Помнится, после пожара она говорила, что боится снова не уследить и хозяев подвести. — Тайка припомнила, как рыженькая домовиха делилась с ней своими печальями. — Может, она ещё не готова?

— Да она никогда не будет готова, — насупился Никифор. — Но избыть страх можно, только встретившись с ним лицом к лицу, и никак иначе... Ладненько, спасибо вам за советы, пойду я спать. Утро вечера мудренее. А завтрачка на домовишнике всё и порешаем.

Осушив стакан до дна, он нырнул за печку, и вскоре оттуда раздался раскатистый храп.

Тайка с Пушком переглянулись.

— Тебе тоже кажется, что Никифор как-то быстро свернул тему? — спросила она, и коловерша кивнул.

— Готов спорить на целый противень пирожков — он что-то недоговаривает!

***

Всю следующую неделю Никифор отмахивался от расспросов. Мол, не бери в голову, сами разберёмся. Тайка не настаивала, хотя и было любопытно, чем же дело кончилось. Ну да ладно, не пытаться же его? Захочет — расскажет.

А в воскресенье, зайдя в гости к Марьянке-вытьянке, она встретила там зарёванную Анфиску. Перед домовихой стояли чашка с чаем и непечатый кусок пирога, но та на угощение даже не смотрела, а зная размазывала слёзы по щекам. И даже её рыжие косички выглядели поникшими.

— Ох, беда-беда! Не справляюсь я. Всё из рук валится, будто я не беречь дом пришла, а портить. Представляешь, вечер разбила любимую баб-Лидину чашку. Ух она и ругалась!

— А по-моему, ты слишком паришься. — Марьяна сунула ей в руки салфетку, и Анфиска принялась вытирать покрасневшие глаза. — Расслабься. Подумаешь, чашка! Знаешь, сколько у нас Сенька посуды побил?!

— Ну, побил, — фыркнули из-за печки. — Подумаешь! Нельзя же быть во всём идеальным.

Тайке тоже захотелось как-то утешить Анфиску. Она достала баночку вишнёвого варенья, которую принесла к чаю, и поставила прямо перед домовихой:

— Угощайся. Знаешь, устраиваться на новом месте всегда непросто. Но во всём стоит искать хорошее. Зато у тебя опять есть свой дом — разве это не здорово?

— Да он вроде как не совсем мой... — всхлипнула Анфиска. — Всё незнакомое. Мне там не нравится.

— Так обустрой так, чтобы нравилось. Или боишься, что Харитон вернётся и выгонит тебя?

Вместо ответа Анфиска пожала плечами и протянула Тайке новую берестяную записку, написанную тем же угловатым почерком:

«У МИНЯ ЪСЁ ХАРАШО. ГОРОД ОЧИНЬ КРАСИВЫЙ. УЖЕ КАТАЛСЯ НА МЕТРО. ХАРИТОН»

— Похоже, он там отлично проводит время, — улыбнулась Тайка. — Менять свою жизнь к лучшему — это здорово, правда?

— Нет, это очень страшно! — Анфиска закрыла веснушчатое лицо ладонями.

— Знаешь, иногда жизнь просто сама берёт и меняется. А тебе приходится подстраиваться под обстоятельства. Я вон когда в институт по баллам не прошла, знаешь, как ревела? Но сейчас могу сказать: всё, что ни делается, — к лучшему.

— Я не о том. — Анфиска понизила голос до шёпота. — Дом этот страшный. Мне кажется, будто за мной всё время кто-то наблюдает. Аж мороз по коже! Может, Харитоша потому и удрал? Там что-то завелось. Не знаю что.

А вот это уже было интересно... Домовые обычно не только чувствовали, но и легко распознавали всякое зло. Тайка с Марьяной переглянулись. Пока они думали, как успокоить дрожащую Анфиску, в форточку влетел Пушок. Неразгаданные тайны манили его сильнее, чем осу — варенье.

— Так-так-так, что я слышу! Да тут не обойтись без известного дивнозёрского детектива! Я имею в виду себя, конечно. А это, как я понимаю, улика? — Он подцепил когтем записку.

— Какая же это улика? — поджала губы Анфиска. — Обычное письмо.

— Допустим. А как ты его получила? Что-то я ни конверта, ни марки не вижу. Где штемпель, я спрашиваю?!

Пушок был настолько грозен, что домовиха наморщила нос и плаксивым голосом принялась оправдываться:

— А мне почём знать?! Оно на столе в кухне лежало. Я понятия не имею, кто таков этот Штемпель. Думаешь, он за мной следит? А он злой?

Марьяна, сдерживая улыбку, протянула Пушку ложку:

— Лучше подкрепитесь, детектив. И не пугайте потерпевшую.

Это сработало. От угощения коловерша никогда не отказывался, а варенье, особенно вишнёвое, готов был потреть в любых количествах. Пока Пушок ел — да так, что за ушами трещало, — Тайка тихонечко объяснила Анфиске про штемпель и почту и добавила уже в полный голос:

— Откуда у домового деньги на конверт и марки? Наверняка Харитон передал письмо с оказией. Может, встречную птичку попросил.

— Допустим, ты права. — Пушок облизнул измазанные в сиропе усы. — Но кто тогда скрывается в доме и пугает Анфиску?

— Бабай? — пискнула домовиха, вжимаясь в кресло.

— Кикимора-раздорка завелась? — с сомнением предположила Марьяна.

Тайка тоже выдвинула версию:

— Может, призрак? У бабы Лиды дом старей. Мало ли...

— Кошкалак! — Сенька высунулся из-за печки. — Это как волколак, только кошкалак. Ну чё вы устались? Не вру я! И такое бывает.

— Кто бы это ни был, мы его выведем на чистую воду! — Пушок воинственно стукнул по столу ложкой. — Будем ночевать в доме бабы Лиды по очереди. Только, чур, я не первый!

***

Этой ночью с Анфиской осталась Тайка. Ей пришлось влезть в окно, потому что домовиха не сумела отпереть дверь. М-да, похоже, она и правда пока не освоилась на новом месте, раз даже замки её не слушаются.

— А баба Лида точно не проснётся? — Тайка сняла кроссовки, чтобы ступать бесшумно и не оставлять следов. Она беспокоилась: а вдруг её обнаружат в чужом доме? Рассказывай потом участковому, что кошкалаков ловила...

— Не проснётся, уж за это я ручаюсь. — Анфиска рядом с Тайкой приободрилась. Всё-таки вдвоём не так страшно. А если залезть под стол да взять с собой пакетик баранок и бутылку кваса — почти что посиделки получаются.

Сначала они болтали о природе да о погоде, а потом Анфиска разоткровенничалась:

— Знаешь, ведь это Никифор настоял, чтобы я переехала.

